

Дан Берг

Наложница в Гиве

или три расследования одного преступления

12+

Дан Берг

Наложница в Гиве

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Берг Д.

Наложница в Гиве / Д. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В повести расследуется преступление библейских времен. Толкователей Библии интересовали прежде всего моральные аспекты событий. Автора этого беллетристического произведения привлекла криминальная сторона сюжета. Им были призваны профессиональные мастера сыска, каждый из которых вел собственное независимое расследование. Когда читатель своим зорким оком узрит в дознавателях их прообразы, а чуткое его ухо услышит нотки пародии, автор будет вознагражден вполне.

Предисловие

В главе 19 Библейской Книги Судей изложено предание, которое принято кратко называть “Наложница в Гиве” и относить приблизительно к XIII веку до н. э. Христианские и еврейские комментаторы Святого Писания уделяли и уделяют немало внимания этой истории. Настоящая повесть добавляет к внушительному перечню толкований еще одну попытку этого рода.

Ниже приводится краткое содержание отрывка из первоисточника. Однако, автор призывает читателей не ограничиваться скудным и несовершенным изложением, но просит освежить в памяти Библейский текст, причем, не только упомянутой главы, но также и двух последующих, тесно с ней связанных.

Наложница некоего левита, проживавшего на горе Эфраимовой, вернулась к своему отцу в Бейт-Лехем. Левит со слугой отправился туда, чтобы воротить ее. Три дня он пробыл у тестя, и тот сердечно принимал его и уговаривал еще погостить. Но левит не согласился и двинулся в обратную дорогу. К вечеру путники дошли до Иевуса (будущий Иерусалим). Слуга предложил заночевать там, но левит отказался заходить в языческое место, и трое направились в город Гиву. Их взял на ночлег возвратившийся с поля крестьянин. Только гости омыли ноги, поели и попили, как с улицы раздались крики каких-то негодяев, требовавших от хозяина дома вывести им левита, дабы они могли познать его. Крестьянин просил их не совершать сей мерзости и предложил взамен двух женщин – наложницу левита и свою дочь. Лиходеи не хотели его слушать. Тогда левит сам отдал им наложницу. Те издевались над женщиной всю ночь. Рано утром левит обнаружил ее лежащей на пороге. Он обратился к ней, но ответа не было слышно. Левит увез наложницу к себе домой, разрезал ее тело на двенадцать кусков и разослал их во все пределы Израильские. В последующих двух главах сообщается, что возмущенные беззаконием народные вожди потребовали выдать им преступников для суда, но жители Гивы, главного города колена Бенямина, отказались это сделать, и тогда разразилась кровопролитная братоубийственная война. В те дни не было царя над народом.

Толкователей Библии интересовали прежде всего моральные аспекты событий. Автора этого беллетристического произведения привлекла криминальная сторона сюжета. Им были призваны профессиональные мастера сыска, каждый из которых вел собственное независимое расследование. Даны Библейские имена героям, и добавлены новые персонажи.

Когда читатель своим зорким оком узрит в дознавателях их прообразы, а чуткое его ухо услышит нотки пародии, автор будет вознагражден вполне.

Расследование первое

1

Город Гива, центр обитания колена Бенямина, имел недобрую репутацию среди прочих поселений иудейских и языческих. Случались насилия и грабежи внутри стен городских, а баловников гивских не без основания опасались жители окрестных мест. Но Бог никогда не оставляет мир без спасительного равновесия, и посему хоть и бойко всходит сорная трава, а добрый посев не поддастся.

В Гиве жил человек по имени Шем-Ханох – любимый честными и гроза злоумышленников. Всякий потерпевший, обратившийся к нашему герою за содействием в раскрытии преступления, никогда не раскаивался в выборе дознавателя. К помощи Шем-Ханоха прибегали как неимущие, так и состоятельные горожане. С бедных он не брал денег, зато богатым приходилось изрядно раскошелиться.

Шем-Ханох сторонился веселья площадей, криков рынка, гула улиц. Жилище его располагалось на окраине Гивы, подальше от городского шума, мешавшего неустанной и размеренной работе острой мысли прашура современных мастеров сыска. Просторный дом его не притягал на роскошь. В большой передней комнате обитал владелец крова, за стеной содержались молодой породистый конь и весьма престарелый осел. Долгие годы службы умалили силы и прибавили упрямства серому труженику, и хозяин его все чаще задумывался о неизбежности смены поколений. На обширном крытом дворе размещались атрибуты быстрого и тихоходного транспорта – небольшая колесница, телега, повозка. Сарай предназначался для хозяйственной утвари. На задах имения в хорошо укрепленном загоне обретались два огромных и свирепых пса. Эти неласковые звери признавали только своего господина, которому иногда пригодились в его опасной профессии.

Шем-Ханох – мужчина в возрасте рацвета – был убежденным холостяком. Он полагал, что семья неминуемо помешала бы успеху дел и отвлекла бы от трудов на пользу человечеству, прекрасная половина которого имеет другое мнение. Дай женщинам волю – и обложат неженатых кабальным налогом.

Хозяйство вела престарелая рабыня Хана. Она появлялась по утрам, запрягала осла в повозку, отправлялась на рынок, возвращалась со всяческой снедью, затем принималась орудовать у печи и успокаивалась не раньше, чем аромат свежего варева начинал будоражить нюх хозяина. Хана ценила вежливое обращение и щедрость господина и давно уж решила ни за какие блага на свете не покидать его, даже когда настанет год освобождения.

Каков был из себя Шем-Ханох? Высокого роста, худой, нос тонкий и с горбинкой, подбородок волевой, глаза голубые, взгляд пронизательный, волосы светлые и мягкие, борода коротко острижена, осанка прямая, мышцы рук и ног завидно сильны. Алмазной твердости воля и неколебимая убежденность в правоте избранного жизненного пути служили этому человеку непробиваемым щитом от стрел женских взглядов.

Завидная память и незаурядная способность к рассуждениям отличали острый интеллект Шем-Ханоха. Порой некая малая деталь или пустяковое событие, которые дилетант легкомысленно оставлял без внимания, оказывались ключом к разгадке злодеяния, стоило им стать предметом его неумолимой логики. Аналитичность ума замечательным образом не обращалась в сухость характера, поэтому Шем-Ханох неизменно отдавал должное изящному и красивому. Он великолепно играл на арфе и сам же настраивал ее.

Шем-Ханох слыл великим знатоком ядов и противоядий. В углу его спальни за плотной ширмой располагались рабочий стол и табурет. На стене висела полка, уставленная стеклянными пузырьками разной величины. Шем-Ханох не скупился на приобретение дорогого стекла, ибо только из этого редкого материала выдувались сосуды, пригодные для хранения особых жидкостей, которые в соединении с кровью или слюной жертвы позволяли ему определить вид отравы. Тогда он назначал целебное зелье, если спасение не запоздало.

Расследуя преступление, Шем-Ханох зачастую удовлетворялся теми немногими сведениями, которые сообщал потерпевший, а мысленные эксперименты и логические построения помогали ему заполнить пробелы в знании фактов. Размышляя, он сидел за столом и потягивал разбавленное водой красное вино, когда из малой, а когда из большой кружки. Покажется глиняное дно, а клубок уж распутан! Простые случаи он называл “делом на малую кружку”,

казусы посложнее величались “делом на большую кружку”. Разумеется, слишком хитроумные злодеяния не могли быть раскрыты одним лишь застольным раздумьем.

2

К Шем-Ханоху частенько навевывался лучший его друг Янон. В прошлом ратный лекарь, Янон оставил этот тягостный род занятий, и по смерти отца поселился в наследном доме в Гиве, и не знал нужды. Нынче он новобрачный, недавно взял себе вторую жену, красивую девицу из состоятельной семьи.

Янон восхищался старшим товарищем. Всем, кто только выражал готовность слушать, он неумолимо рассказывал об изобретательности Шем-Ханоха, развязывавшего сложнейшие узлы злоумышлений. Следуя за другом, бывший костоправ старался постичь, и, порой, не без успеха, искусство превращения фактов в версии, а версий – в доказательства. Шем-Ханох поощрял рвение ученика и охотно пользовался его помощью, хотя, иной раз, и подтрунивал над ним.

– Дружище Янон, – торжественно обратился Шем-Ханох к сидевшему напротив почитателю его таланта, – я рад снова видеть тебя в моем доме. Я с приятностью отмечаю твои отменные результаты в овладении моими уникальными приемами рассуждений. Сейчас я представлю тебе отличную возможность продемонстрировать достигнутое тобой.

– Что ж, дорогой мой наставник, я готов к испытанию и надеюсь не посрамить ни свои способности, ни метод, к которому я их приложу! – не менее торжественно ответил Янон.

– В таком случае, Янон, прошу обратить внимание на сию вещь, – сказал Шем-Ханох и протянул собеседнику предмет, которого гость никогда прежде не видел в этом доме. Ощупывая глазами и пальцами эти четки, – продолжил хозяин, – ты поведаешь об их происхождении и о причине появления у меня.

Прилежный ученик принял из рук ментора пробный оселок, принялся разглядывать и обследовать его, размышлять и раскидывать умом, искать связи и вспоминать факты.

– Какие изумительные четки! – не без зависти воскликнул Янон, – шарообразные звенья разной величины и нескольких цветов! Я вижу, они нанизаны на шелковую и, несомненно, прочную нить. Шарики, что покрупней, обрамлены тонким узором серебра. Все в твоём вкусе – свежееотполировано, блестит новизной. Не сомневаюсь, вещь эта принадлежит тебе, Шем-Ханох, и поздравляю с замечательным приобретением.

– Благодарю, дружище, и жду дальнейших умозаключений.

– Я знаю твоё обыкновение, Шем-Ханох: размышляя, ты любишь теревить в руках какой-нибудь предмет. Четки – лучшее занятие для пальцев. Яркие цвета звеньев возбуждают остроту мысли. Обдумывая оказии опасные, ты станешь перебирать красные бусины, зеленые подойдут для нехитрых дел на малую кружку, а черно-белые крапчатые пригодятся в неясных спервоначалу случаях. Чем изощреннее брошенный твоему таланту вызов, тем крупнее звенья, которые отыщут подушечки твоих перстов. Ба! Да я вспомнил! Ведь ты недавно нашел вора, обокравшего ювелира Матана. Золотых дел мастер расплатился с тобой за услугу!

– Великолепно, Янон! Ты преуспел в овладении моим методом анализа событий и вещей. Но многолика логика, и каверзны пути ее. О, я вижу в окно – к дому приближаются наши общие знакомые, и один из них несомненно добавит кое-что к твоим словам.

Вошли городские старейшины Бнаяу и Баная. Оба с трудом сдерживали волнение, и на языке у них вертелось срочное сообщение. Однако, Шем-Ханох опередил гостей и обратился к одному из них.

– Почтенный Бнаяу, прежде, чем ты вложишь в мои уши несомненно важные вести, будь добр, обрати внимание на этот предмет и выскажись по сему поводу.

Шем-Ханох показал старейшине четки. Доселе встревоженное лицо Бнаяу мгновенно осветилось счастливой улыбкой – так случается, когда личная радость затмевает казенную печаль.

– О, бесценный мой Шем-Ханох, стало быть, вчера, покидая твой дом я забыл свои четки! – воскликнул Бнаяу и торжествуя взглянул на Баная, – а я-то с ног сбился – искал! История с ними простая. Один ювелир заложил у меня старые потертые четки. И, кажется, забыл о них. А я не стеснясь, пользовался вещью. Мне, человеку пожилому, нелегко блюсти бодрость, сидя целый день у городских ворот. Вот я и перебираю бусины. Пальцы скачут по звеньям разной величины – это бодрит. Яркие цвета шариков колют глаза, мешают уснуть. А в синагоге четки незаменимы для отсчета молитв. Я пошел к своему ювелиру, напомнил про заложенную вещь, и он продал мне ее задешево – старая ведь она, затертая! Приобретение свое я снес Матану, тому самому, которому ты помог вора найти. Он отполировал камушки и нить сменил на шелковую. Слава Всевышнему, нашлась потеря!

Широко улыбаясь, Шем-Ханох посмотрел на Янона, а тот сперва молчал, ни слова не молвил, потом сказал: “Не ошибся я, к четкам этим Матану руку приложил!”

3

Физиономия Шем-Ханоха приняла серьезное выражение. Он выжидательно взглянул на Бнаяу и Баная.

– Я и мой помощник Янон готовы выслушать мудрые слова старейшин Гивы, – обратился хозяин к гостям, – мы приклонили ухо и внемлем.

– Беда пришла в Гиву, а, может быть, и ко всему народу иудейскому, – с горечью произнес Бнаяу, – ибо случилась мерзость. Проживающий в поселении в северной части горы Эфраимовой левит Цадок по дороге домой из Бейт-Лехема заночевал в нашем городе со своей наложницей Диной и слугой Яривом. Кое-кто из жителей потребовал от хозяина, приютившего путников, выдать им Цадока – они хотели познать его. Этого не случилось, и гнусные содомиты удовлетворились изнасилованием Дины, вскоре погибшей от перенесенных мук. Вернувшись домой, Цадок разрезал на двенадцать частей мертвое тело, и куски его разослал во все пределы Израильские – главам колен, дабы свершился справедливый суд.

При этих словах голос Бнаяу дрогнул. На помощь пришел Баная.

– Вожди народа собрались и решили, – продолжил Баная, – потребовать от Гивы выдать преступивших закон, а если заупрямится город, – объявить ему войну и покарать мечом виноватых и правых без разбора. Мы ненавидим братоубийство, но хотим сами расправиться со своими негодьями. Однако, прежде нужно найти их и разобрать дело досконально. Мы с Бнаяу просим, уважаемый Шем-Ханох, принять важную миссию дознания – авось удастся избежать худшего!

– Почтенные старейшины, – заявил Шем-Ханох, – я и мой друг Янон горды вашим доверием и вне всякого сомнения расследуем, раскроем, изобличим. Мы приступаем к делу немедленно!

Ободренные Бная и Баная удалились. Шем-Ханох и Янон принялись обсуждать совместный план. Надо заметить, что Шем-Ханох, индивидуалист по природе, предпочитал действовать в одиночку, стараясь отдалить Янона и прибегать к дружеской помощи лишь в час крайней необходимости. Однако, Шем-Ханох подумал, что это дело слишком сложное, чтобы пренебрегать подмогой наперсника, хоть и не равного ему проницательностью.

4

Первым делом наши дознаватели запрягли коня в легкую колесницу и помчались к Цадоку. Хозяин пребывал в траурном настроении. И не удивительно: левит оплакивал смерть возлюбленной, и вдобавок душа его терзалась болью за преступления своего народа. Осторожно и деликатно Шем-Ханох попросил несчастного рассказать о выпавших на его долю бедствиях, а Янон заверил в намерении помочь, елико возможно.

– Я бесконечно любил мою нежную Дину, – завел Цадок чувствительный и скорбный рассказ, – но один легкомысленный ее поступок разбил хрустальную идиллию. Ее случайное увлечение возбудило мою праведную ревность, и я изгнал ее, другими словами – вернул в отцовский дом. Прошло немного времени, и я понял, что нет мне жизни без любимой. Сожалея о своей горячности и прослышав о раскаянии Дины, я отправился к ее отцу Эйнаву в Бейт-Лехем – забрать обратно свое сокровище. Со мной был молодой слуга Ярив. На обратном пути мы трое – я, Дина и слуга остановились на ночлег в Гиве, где некий добрейший человек приютил нас под своим кровом. Вместе с хозяином и его дочерью мы славно поужинали и тут...

На глаза Цадока навернулись слезы. Ему стало трудно говорить. Янон сочувственно сжал его руку. Постепенно рассказчик успокоился и продолжил.

– И тут за окнами раздался крик. Какие-то подлецы требовали от хозяина вывести к ним гостя, чтобы познать его. Это я был им нужен! Я содрогнулся – неужели мне суждено стать жертвой насилия содомитов? Дерзкие вопли подонков не утихали, и я понял: они не отступятся, и преступления не миновать. Помятуя, что в глазах Господа мужеложство есть грех худший, чем поругание женской чести, и, желая убавить от вины народа моего, я отдал насильникам драгоценную свою Дину. О, горе мне! Сердце мое истекало кровью. На утро я отворил дверь и узрел распростертое на пороге бездыханное тело мученицы... Дина была мертва...

– Глаза Цадока вновь подернулись влагой. Его собеседники переглянулись. Шем-Ханох сухо проговорил:

– Скажи, Цадок, с какой целью ты расчленил тело Дины, а части его отослал главам колен Израильских?

– Гнев переполнял меня! Как мириться с мерзостью среди избранников Божьих? Я не сдержал горячего нрава своего! Весь народ мой должен восстать на преступников и жестокой карой преподнести урок самому себе!

– Исчерпывающе ясно... – заметил Янон, – ответь, почему местом ночлега была избрана Гива?

– Слуга Ярив предложил сделать привал в Иевусе, но я возразил, мол, то иноплеменный, не иудейский город, и незачем нам касаться скверны языческой! Так вот и пришли в Гиву. Кто знал, кто знал...

– Все ли обстоятельства ты открыл нам, Цадок? Не упустил ли чего важного? – спросил Шем-Ханох.

– Важного не упустил, но я понес еще одну утрату, значение ее для меня ничтожно после свершившегося.

– Незначительный факт – это тоже факт, который не перестает существовать по вине нашего пренебрежения. Мы не оставляем без внимания мелочи. Для расследования все может сгодиться! – заметил Янон.

– Пока я пребывал в Бейт-Лехеме, в дом проникли воры. Похитили увесистую золотую цепь, что я любил носить на шее. Найти вещицу было легко – я по забывчивости оставил ее на виду. Да разве сейчас пристало думать об украшениях? Снявши голову по волосам не плачут!

Шем-Ханох попросил Цадока рассказать, как выглядела украденная цепь. Тот с готовностью и подробно описал пропажу. Шем-Ханох продолжал допытываться, не исчезло ли еще что-нибудь.

– Пропала и маленькая цепочка, которую я одевал на запястье. Цена ее совсем невелика, и зачем ворами потребовалось переворачивать весь дом ради небольшой поживы? Как-то раз я чрезмерно уступил соблазну винопития, уронил наручную побрякушку и потом забыл о ней. Должно быть, воры видели ее на мне. Когда я заметил исчезновение большой цепи, я сразу вспомнил, что маленькая упала в щель между стеной и полом возле очага. Глянул туда – и верно, место разворочено, значит искали и нашли.

– Последний вопрос, Цадок, – задумчиво проговорил Шем-Ханох, – отец Дины, твой тесть Эйнав – богатый человек?

– Он не беден. К тому же ему выпало наследство, и он посулил мне долю. Эйнав – добрейшая душа, он любит меня, как родного сына. Какой теплый прием он оказал мне! Я долго гостил у него, и лишь на пятый день он неохотно отпустил меня. Право, я не люблю злоупотреблять расположением людей – надо ведь и честь знать!

Распрошавшись с Цадоком, наши дознаватели обменялись соображениями.

– Не нравится мне этот левит, – заметил Янон, – мне кажется, он лицемер, а, возможно, и вовсе не потерпевшая сторона. Истинно скорбит тот, кто плачет втайне.

– Лицемерят не удовольствия ради, а в тупик попавши. Лжецы и лукавцы частенько остаются на бобах.

– Однако, как алчны и неразумны воры!

– Не торопись, Янон, уличать воров в глупой жадности! – возразил Шем-Ханох, – похитители быстро обнаружили лежавшую открыто большую дорожную цепь. Долго находиться в пустующем доме было опасно – ведь соседи знали об отсутствии хозяина, и, заслышав шум, тотчас ворвались бы. Однако, взломщики упорно искали маленькую цепочку, сознательно рискуя. Значит, она была им крайне нужна. Зачем? Это мы должны выяснить. Предполагаю, что кража имеет отношение к главному преступлению.

5

Менахем слыл человеком гостеприимным. Только он один во всей Гиве вызвался предоставить ночлег левиту и спутникам. Что и говорить, он радушно принял Шем-Ханоха с Яноном. Горечь недавнего потрясения отступила перед приятностью ожидания скорой свадьбы дочери Наамы. В доме царил дух праздника и радость приготовлений. Хозяин усадил гостей. На столе появились глиняные миски, деревянные ложки, горшок с пшеничной кашей и, конечно, соль и оливковое масло. Наама принесла кувшин с соком апельсинов и две корзины – в одной громоздились яблоки, другая источала аромат персиков.

– Достойный Менахем, – воскликнул польщенный теплым приемом Шем-Ханох, – я крайне сожалею, что вынужден вернуть тебя к воспоминаниям злосчастной ночи. Прошу, изложи ее события в том порядке, как они происходили.

– Я рад помочь дознанию и раскрытию злодейства, – сказал в тон Менахем, – и расскажу все известное мне ради водворения справедливости и мира в Гиве и во всем народе иудейском. Дело было так. Я возвращался с поля и заметил известных тебе троих людей, жаждавших ночлега. Я ввел их в дом. Мы отужинали и вели мирную беседу. Я толковал с Диною и Цадоком, а слуга его Ярив мило и нежно шептался с моей Наамой. Вдруг за окном раздались дерзкие крики – какие-то негодяи-мужеложцы требовали от меня, чтобы я выдал им моего гостя, то есть Цадока. Преступники хотели познать его, не при девице будь сказано такая мерзость. Я вступил с ними в торг, пытался урезонить, предлагал взамен двух женщин – Дину и Нааму, уверенный, впрочем, что дочь мою, как уроженку Гивы, они не посмеют тронуть, а Дина все же не девица, да и позору меньше – обесчестить женщину, а не мужчину. Подлецы не соглашались на замену, и тогда на переговоры к ним вышел Ярив, потом вернулся. Тут Цадок взял Дину за руку, и вывел на улицу, и оставил ее там, и все стихло. На утро Цадок отрыл дверь, а Дина лежала на пороге дома. Он велел ей приготовляться в путь, и вскоре трое моих гостей убралось восвояси.

– Скажи-ка, Менахем, что Дина ответила Цадоку, когда он обратился к ней? – спросил Янон.

– Она была слишком слаба, говорила очень тихо, я не разобрал ее слов.

– Я вижу, в доме твоём, Менахем, начинаются предсвадебные хлопоты, – заметил Шем-Ханох, – и кто же счастливцев-женихов?

– О, это прекрасный юноша, – воскликнул Менахем, – знакомый нам Ярив!

– Когда же дело сладилось? – полюбопытствовал Шем-Ханох.

– Все в тот же злополучный вечер, – ответил Менахем, – девчонка влюбилась в Ярива с первого взгляда. Чего ты краснеешь, Наама? Разве твой отец не прав? Пока я беседовал с

Диной и Цадоком, молодые секретничали и нежно глядели друг на друга. Быстро сговорились обо всем. Нынче молодежь смелая и себе на уме, не то, что в мое доброе старое время...

– Да ведь слуга же беден, ты отдаешь Нааму за босяка? – удивился Янон.

– Ничуть! Ярив выкупает мою красавицу за хорошие деньги! – возразил довольный Менахем.

– Не из праздного любопытства, но в интересах расследования я хочу знать, каков могоар? – строго спросил Шем-Ханох.

– Двести шекелей серебра! – прозвучал гордый ответ.

– Мы с Шем-Ханохом приветствуем твою удачу, Менахем, – воскликнул Янон, и рады за прекрасную Нааму. Будем надеяться, что счастье поселится в доме молодоженов!

Наама вновь зарделась, опустила глаза. Спросила гостей, не желают ли они отведать еще фруктов. Шем-Ханох заверил девицу, что они вполне сыты.

Янон умел располагать к себе женщин, знал в себе немалую такую силу и с благородными побуждениями пользовался ею. Он взглянул на Нааму нарочито почтительно и заговорил вкрадчивым голосом.

– Любезная Наама, мне известно наверняка, юные девы умеют тонко понимать людские души. А осведомленность женщин в делах сердечных просто восхитительна, и глубина ее мужчинам недоступна. Поведай, что известно тебе и твоим товаркам о любовных приключениях Цадока, если таковые случались.

– Да ничего особенного, все заурядно, – с неожиданной искушенностью бросила Наама, – когда-то, говорят, Цадок либил Дину, но заимел любовницу. Обманутая отомстила неверному – мера за меру. А тому только того и надо. За измену он отправил бедняжку к ее отцу, а сам миловался с новой зазной. Но почему он забрал Дину обратно – этого мы с подружками пока не знаем!

– Это и нам крайне интересно и важно! – заметил Шем-Ханох.

На этом гости распрощались с сердечным хозяином и его прелестной дочерью.

6

– Ты прав, Янон: хитер и лжив Цадок! Он обманул, сказав, что Дина утром была мертва – ведь он говорил с ней! И не из благородства умолчал о своей новой пассии.

– Мне кажется, Цадок забрал Дину, чтобы, убив ее, расчистить путь к женитьбе на любовнице. Первую часть умысла он, кажется, осуществил! – изрек Янон.

– Возможно, – согласился Шем-Ханох, но, боюсь, дело куда как сложнее. Нам предстоит получше разобраться в фактах, свершившихся проклятой ночью. Мы имеем дело с хитрым противником, и чтобы вывести его на чистую воду, мы употребим наше искусство во всем его величии. Разве не естественно предположить, что юный красавец Ярив и нежная Наама были

для преступников более желанной добычей, нежели Дина? Почему закоренелые мужеложцы и насильники в конце концов согласились на замену? О чем говорил с ними слуга Цадока?

– Кстати, Шем-Ханох, не пора ли нам встретиться с Яривом?

– Безусловно, такая встреча состоится, но, я думаю, сейчас нам нужно без промедления мчаться к Эйнаву, несчастному отцу Дины.

Янон догадался о желании Шем-Ханоха беседовать с Яривом наедине. Он привык к скрытности старшего друга и, мирясь с нею, доверял ему. Усевшись в колесницу, наши герои направились в Бейт-Лехем.

Дверь дома была не заперта, чуть приоткрыта. Легонько постучав, чтобы возвестить о себе, Шем-Ханох и Янон вошли. Ни слова не говоря, уселись на низкую скамью. Придали физиономиям печальный вид. Напротив, на циновках, брошенных на глиняный пол, сидел горящий отец, рядом с ним расположилась женщина средних лет. Годы не стерли знаки привлекательности с ее лица.

Увидев вновь вошедших, Эйнав утер платком слезу. Он тяжело вздохнул, пробормотал “Какое горе...” и вновь погрузился в молчание. Затем он подал женщине немой знак, она принесла воду в кувшине, кружки, тонко нарезанные ломти хлеба.

– Какое горе... – повторил лишившийся дочери родитель, – благодарю вас, добрые люди, за сочувствие. Но я не знаю вас, кто вы такие?

Шем-Ханох и Янон представились скорбящему. Произнесли сдержанные и простые слова соболезнования. Выпили воды, к хлебу не притронулись. Сказавши Эйнаву “Да утешит тебя Бог”, женщина ушла.

– Бедная, бедная Дина... Единственная дочь... Какой страшный конец... Слишком мало радости выпало девочке в жизни, – вновь заговорил Эйнав, – я любил Цадока, как сына... Я слышал, он сам отдал ее на растерзание... Я не могу поверить... Мне некого хоронить... Нет могилы, где поплакать... Зачем он надругался над ее телом? Он потерял рассудок от горя?

– Почтенный Эйнав, – произнес Шем-Ханох, – найти ответы на все вопросы – есть наша с Яноном миссия. Старейшинами города Гивы нам поручено раскрыть преступление и назвать имена виновных. Это дело важности необычайной, ибо свершенное злодеяние чревато бедой для всего народа иудейского. Посему мы просим тебя, дорогой Эйнав, обуздай горькое чувство в сердце твоём и найди силы помочь дознанию.

– Чем я могу быть полезен?

– Мы хотим услышать из твоих уст историю совместной жизни твоей дочери с зятем и обстоятельства его последнего визита к тебе, – ответил Янон.

– Коли нужно, расскажу, что знаю. Цадок с Диной друг друга любили. Так мне, отцу, это виделось. Но разладился союз их. Ходили слухи, мол, она неверна была ему, будто и он нашел другую... Да мало ли злые языки болтают? А может, и верно – дьявол попутал. Цадок ревновал

и в гневе вернул мне дочку, а сам страдал – потому как любил! И вот он не вынес разлуки и приехал ко мне забирать Дину обратно.

– Прости, перебью, – осторожно заметил Шем-Ханох, – но неужто лишь по причине сердечной склонности Цадок пожелал вернуть Дину? Нам известно, что...

– Да, да – ты прав! Я получил наследство. И возник у меня замысел жениться. Вы видели тут женщину... По правде говоря, ежели бы я ввел в дом хозяйку, то лучше бы дочери жить не со мной... Я дал знать зятю о моем намерении поделиться с ним серебром, но не думаю... Прежде не думал... Будто он польстился на деньги – сердце правило им. А разве плохо, когда к добру добро льнет? Любовь и богатство – благословенное совпадение!

– Сколько ты наследовал и сколько обещал зятю? – спросил Янон, – нам важно знать.

– Я пулучил четыреста шекелей серебра, а Цадоку назначил сто.

– Где сейчас находятся деньги?

– Они у меня дома.

– А теперь, Эйнав, расскажи о последнем посещении Цадока, – попросил Шем-Ханох.

– Приехал Цадок со слугой своим, кажется, по имени Ярив. Лицом красивый и крепкий телом юноша. Я сердечно принимал гостей, угощал всем лучшим, что было дома. Цадок с Диной уж собрались прощаться, но я удерживал. Я ждал прибытия казны со дня на день и хотел отдать Цадоку его часть – мне не терпелось покончить с этим делом. Я сообщил ему о величине наследства и о его доле. Тут он заторопился домой. Сказал, что когда придут деньги, вернется за ними и слугу с собой прихватит. На следующий день после его отъезда я получил груз серебра, и тут же пришло страшное известие...

– Эйнав, ты сообщил нам важные вещи, и мы благодарим тебя, – сказал Шем-Ханох, – поверь, мы скорбим вместе с тобой. Я полагаю, что серебро, которое ты хранишь дома, должно быть надежно спрятано. Однако, навряд ли ты станешь заниматься этим до окончания семи дней траура. Поэтому для безопасности твоей и твоего наследства мы устроим охрану. На этом прощай, и да утешит тебя Господь в твоём горе.

Шем-Ханох и Янон покинули дом Эйнава. Остановились, каждый думал о своем.

– Слушай меня, Янон, – я не сомневаюсь, Эйнаву грозит беда. Ты знаешь, сколь чужда мне мистика, и как презираю я всяческие суеверия, но при всем при том я полагаюсь на предчувствия, как на очевидность, и сглаза весьма опасаясь. Потому не стану раньше времени оглашать свои догадки. Будь добр, до окончания дней траура поживи у Эйнава охраны ради. Надеюсь, твои жены стойко перенесут недолгую разлуку. А я тем временем повстречаюсь с Яривом и еще с кем-нибудь, если потребуется. Я пошлю к тебе мальчика. У него быстрые ноги и цепкая память. С его помощью ты ежедневно будешь докладывать мне о развитии событий.

Порешивши на этом, дознаватели распрощались. Янон остался у Эйнава, а Шем-Ханох уехал.

Не мешкая, Шем-Ханох наладил колесницу в сторону горы Эфраимовой и, домчавшись до места, направил свои стопы к Яриву, проживавшему неподалеку от Цадока. Посланца старейшин встретил красивый и крепкий парень. Лицо молодца грустило, очи были подернуты не юношеской печалью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.